https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-468-485
https://elibrary.ru/EXJQEK
УДК 82.0
Научная статья / Research Article
18+

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

ПОЭТИКА АНТИТЕЗЫ И АНТИНОМИИ В ПОЭМЕ ВЛАДИМИРА ГИППИУСА «ЛИК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ»

© 2026 г. Т.В. Игошева

Аннотация: Статья посвящена изучению поэмы Владимира Гиппиуса «Лик человеческий», опубликованной автором в 1922 г. лишь частично; ее бо́льшая часть до сих пор остается в архиве. Исследование поэмы показало, что важными инструментами для ее организации послужили антитеза и антиномия. Поэтика антитезы организует в произведении поэтологический сюжет, центром которого стал традиционный романтический конфликт поэта и толпы. Поэтика антиномии участвует в создании другой сюжетной линии, связанной с феноменологией Гиппиуса, центральная тема которой — переживание драматичности человеческой жизни, антиномической в своей основе (плоть — дух), и кроме того — страстная жажда богообщения. В первую очередь антиномически построен центральный «я»-персонаж поэмы, одновременно являющийся и объектом изображения, и познающим субъектом. Кроме того, художественному осмыслению в поэме подвергаются, такие антиномии как *существование души — ее отсутствие*, *существование смерти — ее отсутствие*. Последняя антиномическая оппозиция снимается религиозным сознанием в идее *бессмертия*, в котором разрешается противостояние жизни и смерти. Именно в данном контексте необходимо понимать тему Рождества: изображая рождение младенца-Христа, автор поэмы особо подчеркивает догматическую антиномичность его природы, соединившей в себе божественное и человеческое естество. Значение Рождества в идейном составе «Лика человеческого» осмысляется религиозно-мистическим и символическим обетованием бессмертия человеческой души.

Ключевые слова: Владимир Гиппиус, символизм, поэма «Лик человеческий», поэтика антитезы, поэтика антиномий

Информация об авторе: Татьяна Васильевна Игошева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел новейшей русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://https://orcid.org/0000-0001-7988-204X
E-mail: tigosheva@mail.ru

Для цитирования: *Игошева Т.В.* Поэтика антитезы и антиномии в поэме Владимира Гиппиуса «Лик человеческий» // Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная мысль: коллективная монография / отв. ред. и сост. С.В. Федотова. М.: ИМЛИ РАН, 2026. С. 468–485. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Текст: электронный.
https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-468-485

POETICS OF ANTITHESIS AND ANTINOMY IN VLADIMIR GIPPIUS'S POEM "THE HUMAN FACE"

© 2026. Tatiana V. Igosheva

Abstract: This article examines Vladimir Gippius's poem «The Human Face», which was only partially published by the author in 1922; most of it remains in the archives. A study of the poem has shown that antithesis and antinomy served as important tools for its organization. The poetics of antithesis organizes a poetological plot in the work, the center of which is the traditional romantic conflict between the poet and the crowd. The poetics of antinomy contribute to another narrative thread, connected to Gippius's phenomenology. Its central theme is the experience of the drama of human life, fundamentally antinomic (flesh vs. spirit), and, furthermore, the passionate thirst for communion with God. First of all, the lyrical subject is constructed antinomically, being simultaneously both the object of knowledge and the knowable subject. In addition, the poem artistically explores such antinomies as the existence and absence of a soul, and the existence and absence of death. The last antinomian opposition is removed by religious consciousness in the idea of immortality, in which the opposition between life and death is resolved. It is in this context that the theme of Nativity must be understood: in depicting the birth of the infant Christ, the author of the poem particularly emphasizes the dogmatic antinomy of his nature, which unites the divine and the human. The meaning of Nativity in the ideological composition of «The Human Face» is understood as a religious, mystical and symbolic promise of the immortality of the human soul.

Keywords: Vladimir Gippius, Symbolism, the poem «The Human Face», the poetics of antithesis, the poetics of antinomies

Information about the author: Tatiana V. Igosheva, DSc in Philology, Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Modern Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://https://orcid.org/0000-0001-7988-204X
E-mail: tigosheva@mail.ru
For citation: Igosheva, T.V. “Poetics of Antithesis and Antinomy in Vladimir Gippius’s Poem ‘The Human Face’.” *Antinomichnost’ poetiki russkogo modernizma i sovremennaia gumanitarnaia mysl’* [*The Antinomic Nature of Russian Modernism Poetics and Modern Humanities Thought*], ex. ed. Svetlana V. Fedotova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 468–485. (In Russian) 1 Electronic Optical Disc. Text: Electronic.
https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-468-485

Владимир Васильевич Гиппиус (1876–1941) — поэт, прозаик, литературный критик, педагог. Более всего известен как поэт-декадент и друг Александра Добролюбова. Первый сборник его стихов «Песни» увидел в свет осенью 1896 г., когда автору был 21 год. Затем на 15 лет Гиппиус уходит из литературы в педагогику[1], понимаемую им как подвижничество: служил учителем словесности в гимназии Стоюниной, а затем в Тенишевском училище, в котором он стал директором (1917–1920). В литературу вернулся в 1912 г. книгой стихов, которая так и называлась «Возвращение» (1896–1906). Последующие годы были отмечены довольно оживленной литературной деятельностью: появлялись стихи, поэмы, статьи, литературная критика, сборники стихов. Несмотря на довольно заметную активность, творчество Гиппиуса до сих пор должным образом не освоено, не изучено и во многом остается не опубликованным. Сказанное касается также и его поэмы «Лик человеческий», над которой поэт начал работу в 1920 г.

В архиве Иванова-Разумника сохранился проект содержания журнала издательства «Эпоха»[2] (1-й номер было намечено выпустить в марте 1922 г.), из которого следует, что Гиппиус планировал опубликовать в нем начало (I–IV песни) своего монументального произведения «Лик человеческий». Проект журнала осуществлен не был, четыре песни из поэмы в рамках данного проекта остались ненапечатанными. Однако всего полгода спустя, осенью 1922 г., поэма Гиппиуса была выпущена в берлинском отделении издательства «Эпоха»

[1] При этом сам Гиппиус считал, что внутренняя творческая работа шла в нем без перерыва. В Анкете 1925 г. для вступления во Всероссийский союз писателей на вопрос «Были ли перерывы в вашей литературной работе» он ответил: «Для себя — без перерыва. В печати — до 1912 г. выступал только временами» (РО ИРЛИ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хр. 441. Л. 40).

[2] РО ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 1.

отдельным изданием: при этом было опубликовано не четыре, как планировалось весной, а уже восемь песен. Между тем архивные материалы свидетельствуют, что поэт продолжил работу над поэмой уже и после того, как состоялась публикация 1922 г. Всего им было создано тридцать завершенных песен и в черновых редакциях — еще несколько. Стихотворное заключение к поэме написано в 1939 г. Таким образом, над своей поэмой Гиппиус работал в течение почти двух десятилетий.

Для современников публикация поэмы 1922 г. стала полной неожиданностью, так как к этому времени произведения Гиппиуса не появлялись в печати больше пяти лет[3]. Р.В. Иванов-Разумник на ее выход откликнулся восторженной рецензией: «радость — поистине нечаянная: поэма Влад. Гиппиуса “Лик человеческий”. Вот уж подлинно: сидел человек сиднем (так казалось) тридцать лет и три года — и вдруг написал громадную эпическую поэму “песен в двадцать пять”[4], современнейшую, напряженную, захватывающую» [3, с. 129]. И далее: «Эпическая, философская, символическая поэма — ее не хватало в истории нашего символизма. Огненное “Возмездие” Блока — осталось незавершенным; “Младенчество” Вяч. Иванова едва начато; из задуманных “Трех свиданий” Андреем Белым написано пока лишь “Первое свидание”. И законченная, цельная “поэма песен в двадцать пять” Влад. Гиппиуса заполняет свободное место, а самого его, мало кому известного лирического поэта, ставит в первые ряды старших поэтов символизма» [3, с. 129].

Высокая оценка Иванова-Разумника не выглядит чересчур комплиментарной: поэма, подводившая итоги творчества Гиппиуса[5] и демонстрирующая его поэтическую зрелость, действительно заслуживает более пристального филологического внимания и как самостоятельное произведение, и как составляющая в истории русского символизма.

Поэма до сих пор остается практически не изученной: нам известно лишь одно замечание, касающееся интересующего нас аспекта антитетической организации в поэме Гиппиуса. В своей давней работе о языке русской поэзии XX в. [6] Р.Д. Тименчик, рассуждая о специфическом «петербургском» языке поэзии, противопоставленном «мо-

---

[3] Предшествующие поэме поэтические публикации — сборники стихов «Ночь в звездах» (1915; 1917) и «Томление духа» (1916), а также поэма «Влюбленность» (1916).

[4] Цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

[5] Сам Гиппиус охарактеризовал поэму следующим образом: «Нечто вроде завещания — жене моей Надежде» (РО ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 96. Л. 15 об.).

сковскому», отмечая их оппозицию, охарактеризовал ее цитатой из поэмы Гиппиуса: «Уставный лад испытанных стихов / Условный лепет петербургских слов» [9, с. 12].

В своей основе «Лик человеческий» — философско-религиозная поэма, а значит, размышляющая и рассуждающая, вследствие чего оппозиции становятся одним из важнейших инструментов ее риторической и сюжетно-композиционной организации. Вместе с тем часть из них Гиппиус оформил в виде антитезы, другая — призвана участвовать в его антиномических построениях. В то время как антитеза — метод формальной логики, для которой противоположности не могут одновременно являть истину и быть снятыми в пределах рационального познания, зиждущегося на логическом непротиворечии. Антиномия же в отличие от нее — принцип диалектического познания, где взаимоисключающие противоположности, противоречия не только сосуществуют в рамках одного предмета или явления, но и синхронно утверждают равно обоснованные суждения. По определению П. Флоренского, антиномия есть «идея, единая в себе, является как сопряженность антиномически противолежащих полюсов» [14, с. 478]. В логическом мышлении антитеза взаимоисключает противоположности, осмысляя их как противоречия, в антиномиях — диалектически разрешает их. Вместе с тем для рассудочного восприятия логическая структура антиномии остается противоречивой.

Поэтика антитезы в «Лике человеческом» участвует прежде всего в организации поэтологического сюжета[6]. Так, при помощи антитезы определятся субъект речи в его земной, плотской проекции:

Я ль закоснел? Коснеет ли каменье?
По невским берегам — непримиренник,
Бесов ли пленник, — девий ли моленник, —
Толкаюсь попусту из дому в дом?

Так, — попросту: заядлый декадент,
Пьянино старомодного наследник, —
Гремит симфонии назло соседям, —
Иль, — гимназист умом — душой студент, —
Провинциал! По идеалам бредит, —
На балалайке тренькая с безделья?.. [9, с. 13]

[6] См. подробнее: [4].

Мало того, что лирический субъект ощущает себя с одной стороны, «заядлым декадентом», а с другой — провинциалом, гимназистом умом, с душой студента, антитеза выстраивает и взятый в отдельности внутренний образ «заядлого декадента»: «Бесов ли пленник, — девий ли моленник». К однозначному решению поэт так и не приходит, поэтому антитеза в характеристике лирического субъекта есть знак непримиренных противоположностей, невозможности окончательного установления его истинного статуса в земной жизни.

Антитеза, выраженная как *действие и противодействие*, образует сюжет, близкий по своей трактовке к *пушкинско-лермонтовскому* «Пророку», где лирический субъект ощущает себя поэтом-избранником:

О, Боже слов — звучаний и молчаний,
Ты, малый дар вручая мне, сказал,
Чтоб я звучал печалью всех желаний,
Которыми Ты душу мне связал, —
Чтоб не молчал! И бьется в берег вал —
На утренней заре в ночном тумане… [9, с. 60]

Осознание своей творческой сущности как высокой пророческой миссии (не случайно мечты поэтического «я» выражены словами: «страстными стихами — раздаться над угрюмыми сердцами» [9, с. 32]) противопоставлено эстетической беседе певца с музами. Поэтика антитезы здесь реализована как совершённый выбор между эстетизмом и религиозным служением: антиномическое соединение противоположностей (и эстетизм, и теургия) здесь немыслимо для поэта.

Далее, в отличие от пушкинской, но уже в согласии с лермонтовской моделью «Пророка» для реализации своей миссии герой Гиппиуса выходит навстречу толпе, однако этот выход к людям не завершается вербальным контактом. Для описания несостоявшейся коммуникации с толпой автор поэмы и моделирует ситуацию *действия* со стороны поэта и *противодействия* со стороны толпы:

Хотел быть нужным, — говорят, не нужен!
Ну, что ж? не нужен, — значит, замолчи! —
<…>
— Зажег свечу — звончее всех жемчужин… —
«Задуй свечу, — покорствуй, не звучи!..»

«Ты думаешь: ты пользу приносил, —
Кому-то был, на самом деле, дорог?
И с кем-то Божью правду сотворил —
И с ним делил надежду в общем горе?..
<…>
— Сияние в незримое — влекло! —
«Ах! Отвлечённина… Скажи — прямее!»
— Боролись чувственно — добро и зло… —
Увы! — Не чувствуют — не разумеют, —
Но тонкою, — но острою иглой
Пронзают душу, — злее не умеют…

Я замолчу… «Безогненный ответ…»
<…>
Я закричу!.. «Кричи себе на славу!..»
Зажали уши и пошли гулять… [9, с. 38–39]

Нужен — не нужен, «зажег свечу» — «задуй свечу», «я закричу» — «Кричи себе на славу», но при этом они же — «Зажали уши и пошли гулять». Что бы ни делал поэт, как бы творчески ни самовыражался — в толпе он вызывает только раздражение, поскольку она «не чувствует, не разумеет». Антитеза буквально управляет сюжетным развитием в конфликте поэта и толпы.

Вместе с тем поэтологическая модель «Лика человеческого» предполагает коммуникативный акт не только по горизонтали (автор — поэма — читатель, критика), но и по вертикали, что также выстраивает антитезу (мир явлений — мир сущностей).

В согласии со своей творческой программой в качестве источника поэзии автор понимает отнюдь не собственную личность, а «миры иные», лежащие за пределами эмпирического бытия. Поэзия для него — отнюдь не субъективное самовыражение, а уловленный им из инобытия «звон стихов иных»:

И не безволен мой нетвердый стих,
Он только вольности твоей покорен, —
Ты — там! Услышал звон стихов иных, —
И ты мне шлешь их: ветер через море
Летит — утешить человечье горе, —
На берегах — на берегах земных! [9, с. 33]

Вновь обращаясь к поэтике антитезы, Гиппиус противопоставляет «берега земные» и далекое «там», находящееся за пределами эмпирического восприятия. В чем-то это понимание похоже на фетовскую трактовку происхождения стихов, представленную им, например, в стихотворении «Одним толчком согнать ладью живую…» (1887):

> Одной волной подняться в жизнь иную,
> Учуять ветр с цветущих берегов… [13, с. 724].

Однако фетовское двоемирие сугубо эстетического характера, а у Гиппиуса оно напрямую связано с религиозным типом символистского миропонимания, включающего в свой состав связь с трансцендентным, выраженным не фетовской, но соловьевской лирикой. Отсюда для автора «Лика человеческого» вытекает важная поэтологическая задача — передать в слове «непостижимую тайну мира». «Ты» в приведенных стихах — умерший отец, уже пересекший границу физического мира и принадлежащий вечности, благодаря чему он непосредственно слышит «звон стихов иных», в то время как лирическому субъекту — существу земному — напрямик не дано их уловить: в его случае коммуникативная цепочка удлиняется за счет включения в нее *ветра*, выполняющего функцию связующего звена между двумя мирами.

Поэтика антиномии реализована поэтом-символистом Гиппиусом в другой сюжетной линии «Лика человеческого», и связана она с авторской феноменологией[7], центральная тема которой — переживание драматичности человеческой жизни, антиномической в своей основе (плоть — дух), и кроме того — страстная жажда богообщения; по словам Л. Гоготишвили, «символизм и <…> есть концепция диалога человека с Богом» [1, с. 167].

Антиномическое мышление было свойственно сознанию Гиппиуса еще в начале его творческого пути. Так, в статье «О новой точке зрения в русской критике» (1900), рассуждая об антитезе материи и духа, материализма и идеализма, укорененном в представлении современного человека, Гиппиус, не соглашаясь с таким положением вещей, подчеркивал не сугубый антитетизм, а их антиномию: «Это мировой человеческий закон — эти колебания раздвоенного сознания, идеализм и материализм. Они колеблются в сторону друг друга; сознание стремится к единству; сознание не доверяет ни единству только духа, ни единству только материи» [10, с. 23–24].

---

[7] См. подробнее: [5].

То же стремление преодолеть антитетический принцип, свойственный рационализму, и выйти мысленно к антиномическому единству противоположностей обнаруживаем и в программной статье Гиппиуса «Предчувствия» (1918). Рассуждая о понятиях *личная* и *народная жизнь*[8], писатель подчеркивает, сколь трудно мыслить эту антитезу антиномической целостностью:

> «Потому что для нас есть — неслитые в одно сознанное движение личные и народные жизни, но нет одной общечеловеческой жизни. Не должно быть сомнения, — мы не знаем ее как единство ни в ее явлениях, ни в нашем сознании. Но человеческая воля хочет единства — и напрягает сознание его найти. Искания единства выражаются в вероучениях о Боге. Переход от многобожия к единобожию и вызван, конечно, потребностью в единстве» [11, с. 102].

Антиномические построения в «Лике человеческом» закономерны и неизбежны, поскольку религиозное философствование выводит автора за пределы позитивистского опыта, опирающегося на логику, а всякий такой выход, по Канту, с неизбежностью приводит к антиномии. Не дискурсивное мышление, а исключительно религиозная мысль с опорой на веру в силах, по Гиппиусу, преодолеть логическую антитезу и выйти к антиномическому познанию, воспринимающему мир в его диалектической сложности и единстве[9]. В неопубликованном пояснении своего замысла «Лика человеческого» автор рассуждал: «По простейшему даже психологическому смыслу: оживленье смерти — немыслимо логически»[10]. И далее о том, что именно христианская диалектическая мысль превратила антитетические противоречия, открытые еще античной философией, в сложнейшие антиномии: «Основные метафизические и гносеологические темы в христианстве разрешены полностью: начало и конец вещей, единство и множественность[11], проблема движения, дух и материя, время

---

[8] Эти рассуждения созвучны проблеме, которую исследовал П.И. Новгородцев, наиболее полно раскрыв ее в труде «Об общественном идеале» (1917). В этой работе он рассуждал об антиномии бесконечных духовных потребностях личности и ограниченных формах общественной жизни.

[9] Наиболее известным в широких культурных кругах начала XX в. трудом, исследующим антиномии религиозного сознания, является «Столп и утверждение Истины» (1914) П. Флоренского. См. также современное исследование сочинений Флоренского с точки зрения антиномизма: [2].

[10] РО ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 96. Л. 15 об.

[11] *Вписано поверх зачеркнутого*: дух и материя, начало вещей начало и конец вещей.

и пространство»[12]. Приведенные суждения Гиппиуса подтверждают закономерную неслучайность антиномических построений и их развитие в «Лике человеческом».

Центральная фигура поэмы — автобиографичный в своей основе «я»-персонаж, осознаваемый автором антиномичным уже по своей изначальной природе — поэтому определяющийся через ряд оппозиций, таких как, телесность — духовность, смертность — бессмертие. В числе прочего он в одно и то же время и *объект изображения*, и *познающий субъект*: и в этом диалектическом тождестве противоположностей он прежде всего и представляет самостоятельный интерес для автора, являясь для него носителем особенного опыта, т. е. выступающий как трансцендентальное «я», ведущее познание, не сводящееся исключительно к эмпирическому и рациональному, а тяготеющее к феноменологическому восприятию трансцендентного бытия, и транслирующее свой опыт в художественном слове. Феноменология Гиппиуса в «Лике человеческом» проявляется в сюжетно оформленном познании и самопознании автобиографического субъекта, неразрывно сопровождаемого его рефлексией над этим процессом.

Гиппиус различает два вида познания, подчеркивая их оппозицию:

Если есть
Мышленье, мыслить — значит, числить. Здесь
Не численная утаилась тайна —
За мыслимым — немысленное знанье… [9, с. 251]

Численному, т. е. логическому мышлению неподвластна тайна внеэмпирического бытия. Однако, по утверждению поэта, есть другое знание, основанное на интуиции и вере, способное на большее, чем рационально-логическое. Подобно другим символистам, автор «Лика человеческого» считал, что за пределами эмпирического мира (к знанию о котором и приводит человеческая мысль, опирающаяся на позитивизм) расположен мир иной, «реальнейший», — по слову Вяч. Иванова, — неподвластный нормам, установленным кантовской гносеологией, но доступный усилиям интуиции и веры.

Среди кантовских антиномий Гиппиус выделяет ту часть четвертой динамической антиномии чистого разума, в которой доказывается неразрешимость идеи Бога (*существует безусловно необходимая сущность — не существует безусловно необходимая сущность*) средствами разума. И на этом основании в поэме Кант характеризуется

[12] РО ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 96. Л. 16.

прежде всего философом, отвергавшим ставшие традиционными доказательства бытия Бога[13]:

Ведь Кант пришелся папенькой — Ренану…
Был немец щуплый, — хоть солидным слыл —
За то, что в Кенигсберге отлучил —
Сияние от Духа, — предложив:
Взамен Христа, — почтить — Императив
Категорический: вот так — Осанна! [9, с. 276]

Вместе с Кантом в этом ряду нигилистов и отрицателей автор поэмы располагает и Ницше:

О, мир созвучий!.. Рифму, — рифму — к Нитцше!
Какая ж свище — в этой шибкой притче,
Чем некто — в Мюнхене гуляя: «прытче» —
Пришпилил, — шут!.. «Дух провонял давно…»
А нам-то — мнилось, — угонись, — поди ж ты:
«Европа дряхлая — как труп — гниет!» [9, с. 255]

Не подлежит сомнению, что выражения в приведенном фрагменте варьируют знаменитую ницшевскую фразу «Бог умер! Бог не воскреснет!» [12, с. 147], которую точно прокомментировал М. Хайдеггер: «Слова “Бог мертв” означают: сверхчувственный мир лишился своей действенной силы» [7, с. 246].

В отличие от Канта и Ницше «я»-персонаж гиппиусовской поэмы занят обратной задачей — отысканием аргументов в пользу доказательности божьего бытия:

Решаю так — мудрец я иль простак —
(Один с другим каким-то краем сходствен):
Есть — здание, так — стало быть — есть Зодчий, —
А Зодчему, — по малой мере родствен
План — здания; Его расчет и страх, —
Страх — творческий, — как предразмыслить бревна —

[13] Ср. суждение Гиппиуса в его «Записках по истории русской литературы»: «Существование Бога Лейбниц доказывал космологически. Он был последним из ученых, доказывавших существование Бога; вскоре после него философ Кант установил, что нельзя доказывать существование Бога» [8, с. 96].

Фундамент и цемент… Он, словом, строил, —
А выстроиться сам — не то, что храм, —
Сарай не мог бы — выдуматься сам.
Вот доказательство: оно простое
И древнее… Его же отверг сам Кант, —
Так верно же чего-нибудь — да стоит! [9, с. 275–276]

Разумеется, речь здесь идет о пятом — телеологическом — доказательстве бытия Бога Фомы Аквинского, в котором утверждалось, что целесообразность устройства мира указывает на существование Бога-Творца, упорядочивающего мироздание. В соответствии с ним Гиппиус разворачивает поэтическое уподобление мира архитектурному сооружению, а Бога — Зодчему, осуществившему свой план постройки бытия.

Для развития «рассуждающего» сюжета Гиппиусу была необходима другая точка зрения, не совпадающая с его собственным видением мира и человека. Таковой для него стало не только кантовское отрицание, но и «“культурное сознание” европейца нового времени», исторически возникшее в результате научной революции XVII–XVIII вв.:

Души, мол, — нет! А есть — «конгломерат» —
Каких-то там толканий и дрожаний, —

Есть — толчея!.. Добро бы — беснованье
Вилявых бесов — нет, частиц мельканье
<…>
А имя каждой из таких крупиц
(Беззвучнее им не дал бы названье —
Сам ад!) есть — атом… (вроде восклицанья, —
Когда не продохнешь, хоть — задохнись!) [9, с. 220–221]

В своих наблюдениях за развитием научной мысли Гиппиус выходит к антиномии: *душа есть — души нет*. Европейская научная мысль настаивает на материальности всего сущего, а значит, — и на невозможности существование бестелесной души. Персонаж Гиппиуса, напротив, веруя в духовные начала бытия, формулирует собственный символ веры, идущий вразрез с европейским сциентизмом:

Я не спирит, столов я не вертел,
Я душ, тела забывших не тревожил, —

Я адских бы проклятий не презрел,
Но не склонился бы к тщете безбожья:
Я знаю Бога! [9, с. 228]

Научная картина мира, по мнению Гиппиуса, — проявление умственной слепоты современного человека, ограничивающая его знание о действительности. Безобманным осознанием бытия может считаться лишь то, из которого вынуты формальная логика и сугубо научное объяснение, т. е. по существу — феноменологическое восприятие.

Как бы временно заняв позицию научного европейца, «я»-персонаж поэмы воочию увидел чудовищное в своем насилии и безнравственности земное существование:

А вкруг шумел парад веков вселенский,
Вой и галдеж — бесовских голосов…
<…>
И — покупают на продажах — тело,
Распределяя веско меж собой;
И режутся из-за одной постели —
Кому достанется — на миг ночной; —
И волочатся за чужой женой, —
И — жертвуют за женщину мечтой.

И — вешают — на взмыленных веревках,
Борцов — за то, что страстны и честны;
И — подлецам житьё, — и — жить неловко —
Тому, кто верит иначе, чем — вы, —
Тесня рабов и вызволяя войны…
И — все мы вместе взятые — черны, —

Как — головни!.. Все это — есть и — было, —
А — будет ли?.. Не мыслю, — не приму —
Такого омерзительного мира, —
И раньше времени — усну, умру, —
Но не пойду, — не разделю на пире —
Ни рюмки! — с тем, кто — праведных теснит… [9, с. 260–263]

Совершая своеобразное нисхождение в ад земной жизни, поэт приходит к заключению: «мир лежит во зле!» [9, с. 264], а значит, над всем царствует смерть и тление. Научному мировоззрению, сделав-

шему ставку на рациональные пути познания, мир раскрывает себя как антитезу *жизнь — смерть*, разворачивающуюся во времени, демонстрируя в его современном состоянии превосходство последней. Между тем «научной трезвенности» Гиппиус противополагал внутренний опыт своего «я»-персонажа, охваченного томлением духа и стремящегося к созерцанию сущностей своим внутренним взором. Вследствие этого он постигает мир не в традиционных для рационализма антитезах, а в религиозных антиномиях, где противоположности синхронно пребывают в состоянии борьбы и единства в целостном составе бытия. Ключевая среди них: *смерть есть — смерти нет*.

Исследуя дуализм мира, созданного божественным промыслом, поэт особо выделяет антиномию жизни и смерти. Но если факт смертности неопровержим, то идея вечной жизни не столь очевидна:

И — смерти нет! — Как — сути, как — явленья, —
Как крови божеской… Она не зло,

Но — райской плоти в мире, — исступленье —
Перед неправедном мирским томленьем —
Нет смерти — в облике… Скелет? Число?..
<…>
И, если — хищным пламенем дыша —
Нам чудится! — она отсель нас хитит, —
<…>
Мы обольщаемся — не ею!.. Смерти — нет… [9, с. 263–264]

Далее Гиппиус разворачивает фантасмагорическую картину «живого зла», противоборствующего со светом и добром и управляющего смертью:

Но мир лежит во зле! И вот — ответ
На ужасы всего: Оно — живое:
Оно с тех пор, как сталось, выло, воет —
И будет выть — и злиться мертвой волей, —
На пламенеющий рыкая — Свет!.. <…>

Дотоле — смерть — как бы вольна, — властна —
Злом вынуждаемая — миром править,
Сама себя уж тем мертвецки славя, —
Что Злу в угоду — шулерски счисляет,

Что Духа нет, — и этим упраздняет
Вселенную, что Духом воззжена… [9, с. 264–265]

Противодействие земных явлений жизни и смерти снимается в антиномическом синтезе — бессмертии. В связи с этой идеей в поэме возникает тема Рождества, трактуемого автором как чудо воплощения, приход в мир добра, истины и света; как залог и обетование преодоления смерти («смертию смерть поправ»). В момент Рождества Христова снимается онтологическое противоборство света и тьмы, добра и зла, жизни и смерти:

Но мир — во Зле… Я нашепчу привет
Тебе — из книги пламенных сказаний:
Его поведал мне бывалый дед —
И книгочий, и умудренный странник, —
И не поверили: сказали — бред…
Родился мальчик: Мальчик тот был — Свет! [9, с. 266]

Это происходит в том числе и благодаря догматической антиномичности природы младенца-Христа, соединившего в себе божественное и человеческое естество. Волхвы в поэме пришли поклониться младенцу как чуду, сочетающему в себе смертное и бессмертное:

И кланялись, и почитали прах —
Прах человеческий и несказанный! [9, с. 270]

Утверждению факта смертности человека Гиппиус противопоставляет свою веру в субстанциональное свойство человеческой души — бессмертие, которое переживается «я»-персонажем поэмы не столько в качестве умозрительного понятия, сколько в виде напряженного экзистенциального чувствования. Вглядываясь в своего «внутреннего человека», лирический субъект, совмещающий в себе, как уже говорилось выше, и объект, и субъекта познания, обнаруживает в глубине своей души подтверждение ее бессмертной сущности:

Я воскресенье потому зову,
Что я его, — как блеск внезапный — чую…
Я родился — и для того живу,
Чтобы осилить тягу праха злую… [9, с. 227]

Без сомнения, эти строки «Лика человеческого» созвучны словам Первого послания Коринфянам ап. Павла: «Тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие» (1 Кор. 15: 52). Самопознание «я»-персонажа поэмы и направлено не столько на самоопределение в своем земном существовании, сколько на метафизическое самоосуществление себя в бессмертии:

Я не погибну, — я рожден — бессмертным;
Меня земля стремительно стремит! —

Воскреснем все! Твоим дыханьем свыше,
По возгласу архангельской трубы… [9, с. 64]

Кульминацией для «я»-персонажа поэмы становится его мистическое прикосновение к высшей истине — Богу, являющемуся для него тем существом, в котором разрешаются все антиномии. Экстатическое единение персонального «я» с трансцендентным несет ему переживание полноты единственно подлинного бытия. Духовно-религиозные усилия привести противоречия собственной антиномичной природы к высшему единству возвышают «я»-персонажа до постижения Непостижимого:

О, пусть томленью моему поверят, —
Мне смерть порукой: я узрел Тебя! [9, с. 63]

Встреча с Богом открывает ему истину о грядущем преображении мира. В этом новом бытии примиряются любые противоположности — то, что кажется невозможным для рационального рассудка, становится нормой для религиозного сознания, способного совмещать противоречия.

Христос — воскрес! Вселенная готова —
Преобратить истленье — в божество! [9, с. 85]

Таким образом, автобиографичный «я»-персонаж «Лика человеческого», ярко осознающий противоречия как персонального существования, так и всеобщего бытия, различает их как антитетические и антиномические. В то время как мышление антитезами и восприятие мира, основанного на непримиримых противоположностях, поэт связывает с рациональным, логическим познанием, привилегией религиозного гнозиса, с его точки зрения, является опознавание

антиномической природы бытия. В результате, в советской действительности 1920-х гг., в условиях нарастающего атеизма Гиппиусу, по-прежнему остававшемуся в новых условиях поэтом-символистом, гораздо важнее было не столько установление антиномизма как гносеологического инструмента познания диалектической сложности истины, которая, по слову Флоренского, всегда антиномична, сколько утверждение наличия антиномий в самом составе бытия, в ее метафизическом измерении, где противоположности являют собой полюса, объединяющиеся высшей целостностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Гоготишвили Л.* Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // Литературоведение как литература. М.: Языки славянских культур; Прогресс-традиция, 2004. С. 148–175.
2. *Горячев Д., свящ.* Антиномика Флоренского. Белгород: Политерра, 2022. 172 с.
3. *Иванов-Разумник Р.В.* «Три богатыря» // Иванов-Разумник Р.В. Творчество и критика. Статьи критические. Пб.: Колос, 1922. С. 128–131.
4. *Игошева Т.В.* Поэтология Владимира Гиппиуса в поэме «Лик человеческий» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2025. № 3. С. 84–89.
5. *Игошева Т.В.* Феноменология Владимира Гиппиуса в поэме «Лик человеческий» // Словесность и история. 2025. № 4. С. 185–203.
6. *Тименчик Р.Д.* К изучению языка русской поэзии XX века // Мат. XXVI студенч. научн. конф. Литературоведение. Лингвистика. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1971. С. 58–59.
7. *Хайдеггер М.* Ницше: в 2 т. / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2007. Т. 2. 604 с.

Источники

8. *Гиппиус Вл.* Записки по истории русской литературы. Пг.: Тип.-лит. А.Ф. Маркова, [б. г.]. 374 с.
9. *Гиппиус Вл.* Лик человеческий. Пб.; Берлин: Эпоха, 1922. 278 с.
10. *Гиппиус Вл.* О новой точке зрения в русской критике // Мир искусства. 1900. Т. 4. № 13 и 14. Отд. II. С. 21–24.

11. *Гиппиус Вл.* Предчувствия // Мелос: Книги о музыке / под ред. Игоря Глебова и П.П. Сувчинского. СПб.: Гос. тип., 1918. Кн. 2. С. 97–117.
12. *Ницше Ф.* Собр. соч. М.: Изд. книгопродавца М.В. Клюкина, [1901]. Т. VII: Веселая наука / пер. А. Николаева. 329 с.
13. *Фет А.А.* Полн. собр. стихотворений / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Я. Бухштаба. Л.: Сов. писатель, 1959. 836 с. (Библиотека поэта. Большая сер.).
14. *Флоренский П., свящ.* У водоразделов мысли: в 2 т. М.: Академический проект, 2017. Т. 1. 684 с.